

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Как беззаботно поют птицы в эту весеннюю ночь, самозабвенно вопят лягушки! Как замечательно пахнут нагревшиеся за день щебень и шпалы, как ярко сияют под луной блестящие рельсы! Бесконечность в обе стороны, иди — не хочу.

Если человек всю жизнь прожил на берегу моря, или реки, или посреди степей — его от этих «красот» с непривычки может и вытошнить. Нормальной персоне, которая все годы своего бытия обитает исключительно на городской окраине, нет особого дела до всех этих морей-степей. И когда на душе легко, все в жизни идет правильно, то куда приятнее и эти привычные ароматы, и эти условные красоты природы, и даже креозотовый дух кружит голову похлеще крымских магнолий и ночных фиалок. Ночью к тому же все по-иному, все сказочно изменяется.

Это когда на душе легко и в жизни все правильно.

У Светки Приходько не так. Она плачет и рыдает, ибо сердце у нее разбито, и весь ее маленький мирок рушится на глазах. А все потому, что Яшенька на свидание пришел совершенно не в себе, бледный, глаза в разные стороны. На робкие вопросы, не бо-

лен ли, не случилось ли что на работе, лишь отмахивался, мотал головой, как конь, а то и заливался бессмысленным отрывистым смехом, прикрывая ладошкой рот и переминаясь с ноги на ногу.

Конфеты, правда, преподнес, как было у них заведено. Только сначала на них уселся, превратив в кашу. Если бы только это — то ничего страшного, форма — не главное, и раздавленная конфета, по сути, по-прежнему конфета. Однако дальше — больше.

Дошли до парка, а там расфуфыренная, завитая и подкрашенная «старуха» лет восемнадцати оттерла Светку, подцепила Яшу под руку и оттащила в сторону, что-то втолковывая, делая жесты в сторону танцплощадки, где уже раскочегаривали патефон и для разогрева уже побузили. Было видно, как капитан Сорокин и сержант Иван Саныч утихомиривают беспутных, обещая им неприятности.

И хотя Яша отрицательно покачал тяжелой, тянущей вниз головой и эта ведьма отклеилась, но все-таки оскалила зубы в сторону Светки: «На детский фронт перекинулся? Ну-ну».

Зря, стало быть, Светка «взрослую» прическу строила, зря под шумок мамкину шаль похитила и даже втихую потратила пару драгоценных заветных капель духов «Белой ночи». Все равно, как ни поверни, малолетка.

Окончательная беда разразилась, когда расположились в кинозале и погас свет.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

Показывали «Красный галстук». Яшка эту картину терпеть не мог и пошел в очередной раз ее смотреть, лишь уступая нитью Светки и за компанию. Но если прошлые разы он помалкивал, то теперь нет. Вслух, не стесняясь, нудил, что скукоптица, что Шурка — слон в посудной лавке, Валерка — тупица и барчук, что вся эта история гроша ломаного не стоит: надавали бы друг дружке по мордасам — и мир. На него шикали со всех сторон, было неловко.

Светка уже не рада была, что настояла на походе в кино. И когда он наконец-то стих, перевела дух. Глянув, увидела, что заснул, да так крепко, что чуть не пустил слюну. «Умаялся, утрудился, бедный», — умилялась девчонка, но недолго. Яшка всхрапнул, заворочался на обшарпанном жестком кресле, свесился. Светка попыталась его поднять (ведь не дело, когда кровь к голове приливает), а он, бормоча: «Таська, прорва ненасытная», потянул руки...

При одном воспоминании об этом девчонка взвыла белугой и не сдержалась, снова зарыдала. Тогда же просто взвилась шутихой под потолок, прямо по головам ринулась прочь из зала, не обращая внимания на шипение, ругань и тычки зрителей.

Сначала твердо решила броситься под электричку, но, как назло, та никак не шла. Потом рассудила: лучше утоплюсь, и даже дошла до пруда. Однако на месте вовремя сообразила, что в таком пруду, даже

по весне полноводном, топиться — только курам на смех. Вывозишься в иле вся, а то и растворишься, как в кислоте какой. Грязно там, вон как масляная пленка дрожит на воде.

Целую вечность Светка страдала под луной, слонялась без толку, без цели и, опомнившись, увидела, что невесть как очутилась на их с Яшкой тайном месте, как в шутку они его называли, «на даче».

Непосвященному взгляду это место показалось бы помоечным: заросли облезлого ивняка под железнодорожным откосом, через трубу под путями бежит, поспешая, заросший ручей, чуть поодаль он собирается в лужу, которую лишь снисходительно можно назвать прудом. Там и орут глупые лягушки, которым все нипочем.

Вот и бревнышко, на котором столько с Яшей пересижено, переговорено, вот следы очага многочисленных счастливых костерков, которые палили, глаза на пробегающие мимо поезда, мечтая о разных вещах.

Неужто теперь всему конец?

Светка без сил опустилась на заветное бревнышко, пошарив, отыскала спички, бересту, спрятанные в последний раз в тайнике, который Яша собственноручно устроил. Не удержалась, вспомнила о нанесенной ей обиде — и снова разревелась.

Когда же слезы-то кончатся? Уже аж икать тянет, а они все льются, и голова раскалывается, и блуждающие огоньки перед глазами... хотя нет, не блуждающие, а вроде бы от свечки огоньки. И не

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

блуждают, а маячат в двух окнах старой казармы, что по ту сторону путей. Как будто кто-то там ходит.

Светка вспомнила: там, на первом этаже, квартирует капитан Сорокин. Сам он откуда-то то ли с Мещанки, то ли с Петровки, то ли с Покровки, но каждый раз из центра на окраину не накатаешься, вот он и выбил себе служебную жилплощадь. Поскольку он бессемейный, а свободных жилых метров в районе на всех не хватает, все, что нашлось для начальника отделения милиции: одна из двух оставшихся обитаемыми комнат расселенной казармы.

Казарма эта — старое, дореволюционное строение, возможно, раньше служившее дачным вокзалом: высокие потолки, большие окна, ступеньки и даже колонны. То есть были раньше колонны, поскольку из-за близости к железнодорожным путям строение неоднократно страдало: то подожгут, то разбомбят. Так что по итогам всех злоключений колонн не осталось, а пригодным для обитания осталось лишь одно крыло, и то жителей из него год как переселили в отстроенные дома. Теперь тут квартировали лишь двое — путевой обходчик Иван Мироныч Машкин, тоже, как и капитан, одинокий, потому отодвинутый пока по жилищному вопросу на неопределенное время, и сам Николаич, Сорокин. Вот эти его два окна, ближе к углу.

«Кто же это у него там? — удивлялась Светка. — Николаич на танцах и останется там до конца, то

есть пока не разойдутся, кому же у него, в его отсутствие, со светом бродить?»

Любопытно. Хотелось бы разглядеть происходящее, но откуда-то у холостяка капитана, по-солдатски равнодушного к любым украшениям, появились занавески. Они задернуты, и что там, за ними — не видать. И верхний свет погашен — это и понятно, зачем бы тогда со свечками там ходить? Кстати, почему бы люстру не включить?

В этот момент пролетела с ревом и звоном электричка, но почему-то огонек в капитанских окнах был по-прежнему виден ясно.

Из-за темного времени и с расстройства в Светкину голову полезли мистические, сугубо девичьи мысли — о привидениях, покойниках и прочем, от чего трясутся поджилки. Прибыв сюда, к тетке Аньке на хлеба, Светка слышала разнообразного рода страшные истории о призраках то ли десантников, то ли летчиков, погибших на станции. О тех, которые до сих пор бродят по путям, отыскивая своих губителей.

«Ну хватит», — приказала она себе.

Воспоминания о капитане Сорокине, виденном на танцах, немедленно породили и другие, более реальные воспоминания о противной «старухе», и Яшке, и его безобразиях в кино, и даже о никогда не виданной, но ненавистой Таське-прорве, чтобы ей ни дна ни покрышки.

Злые слезы вновь закипели на глазах.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

«А плевать. Никакого дела мне!» — Светка с удовольствием разревелась. Когда поток слез наконец иссяк, девчонка твердо решила, что никогда не выйдет замуж и посвятит всю свою жизнь добрым делам.

1

— Сбежим, а?

Уставший Андрюха-Пельмень, не открывая глаз, переспросил:

— Куда?

— Да хоть куда.

С вечерней гулянки друг Анчутка вернулся необычно недовольный, мятый и смурной. Странно. Обычно он, отработав смену, поспешно отчищался, отглаживался, напяливал свежую рубашку и пиджак, лихо строил из бараньих кудрей политзачес — и летел на волю, треща крылами.

Ему-то хорошо, не шибко он утомляется на работе. Он ведь целый помощник хронометражиста, а профессия эта почетная, непыльная, только и знай — за другими присматривай, щелкай секундомером да розовые щечки надувай от сознания собственной значимости.

Андрюха же — по-настоящему трудящийся, в учениках наладчика, и потому котовать нет у него ни времени, ни сил. Работа страсть какая интересная, но трудная, беспокойная, каждый раз что-то новенькое вылезает, да такое, что просто швах, некогда носа уте-

реть, дней не хватает. Вот и сегодня Андрей так устал, что невесть как дополз до общаги, глаза слипаются, даже кусок в горло не лезет — была горбуха, и та так и осталась лежать в тумбочке нетронутой.

Вроде бы все выставлено-налажено, а как запустили станок — идет ткань с браком, хоть ты тресни. Созвали совет в Филях, сообща сообразили, что сорт ткани такой, что требует специальной вилочки. Андрюхе сгоряча показалось, что старшие разводят бодягу на ровном месте, а дел — на тьфу и растереть. Вот же валяется старая вилочка, осталось ее обточить. Мигом все обделал, установил — а станок, зараза такая, как гнал брак, так и гонит.

Версии вспыхивали одна за другой. «Может, вот в чем дело...» — ползал и пыхтел Пельмень до тех пор, пока мастер не напомнил: время, товарищ.

— Ударник, чеши отдыхать.

— Я ж совершеннолетний! — вскипел Андрюха, но его быстро остудили:

— Знаем, какой ты из себя совершеннолетний. Иди, иди, не война, чай, — и мастер выставил его вон.

Вот ведь бдительные какие! Документы-метрики выправлены умело, комар носа не подточит, а почему-то буквально всем известно, что в дате рождения года приписаны...

И вот, когда самая работа, в разгар интересного дела, все, чумазые и веселые, будут копать в металлических кишках в поисках причин неправиль-

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

ной работы станка (и обязательно найдут!), Андрюху, как дитя малое, гонят на горшок и в люльку.

Вот так вся жизнь и пройдет мимо!

Яшке, повторимся, все равно. Это известный рационализатор, ему бы абы что, лишь бы поменьше работы при той же зарплате. Очень ему нравится других контролировать — вот дело по нему, а вечерочком — по пивку и по девочкам. Кот белобрысый.

Однако нынче он не в настроении. Придя в комнату, даже не удосужился разоблачиться (хотя обычно к своему небогатому туалету относился трепетно), лишь пиджак скинул и, как был, в белоснежной рубаше и отглаженных брючках, завалился на койку.

— Я интересуюсь, куда ты собрался сбегать, — лениво скосив глаза, спросил Пельмень, — и, главное дело, зачем?

Друг завозился, ворча, как не вовремя разбуженный пес, невпопад отозвался:

— Шамать чет охота.

— В тумбочке возьми горбушку.

Однако неузнаваемый сегодня Анчутка еще и капризничал:

— Ну на... — прибавил он цветастое и непечатное слово, потом занудил вновь, — Пельмень, а Пельмень. Ты спишь?

— Уже нет.

— Скажи, зачем нам вот это все?

— Заколебал, — заметил Андрюха, — что «зачем» и «это все»?

Яшка перевернулся на живот, со столовских харчей плоский, как доска, опершись локтями, вперил в друга опухшие, сине-красные злые глаза:

— А вот весь тухляк. Гроб этот с тараканами, вкальвание от сих до сих, жратва эта пустая...

Пельмень от усталости даже не особо удивился его словам, просто задавал вопросы:

— Ты чего с жиру бесишься? Плохо честно работать? Или не нравится, что крыша над головой есть, питание? Чем плохо?

— Всем плохо, всем! — то ли взвыл, то ли простонал Анчутка. — Душа горит, Андрюха. Погибаю.

Пельмень принял сидячее положение, приказал: — А ну дыхни.

Почувствовав выхлоп, отвесил другу подзатыльник:

— Денег на эту заразу не жаль? И откуда достанешь-то?

Анчутка вякнул в том смысле, что имеет право как совершеннолетний, Пельмень отмахнулся:

— Ври больше. Тут все знают, какой ты из себя «совершеннолетний», кто тебе отпустит? Стало быть, где-то по соседству берешь? И ведь не влом тебе бегать.

— Отпускают тут, в подвале!

— Рот я тебе зашью — попьешь тогда.

Осознав, что заснуть все равно пока не получится, а другу требуется немедленно вправить мозг, Андрюха уселся поудобнее и закутался в одеяло. Хотел

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

было начать сразу с ругани, да глянул на Анчутку — и пожалел парня.

На него было больно смотреть. Он грустил, впечатав лоб в стекло, стоя коленями на табурете, локтями опираясь на подоконник. Весенняя природа и законные виды способствовали его ипохондрии и цыганской тоске. Сгущались сумерки, почки уже еле сдерживали набухшую листву, вот-вот вырвется на свободу зеленый шум. Под окнами пробовали клавиши аккордеона, не по-деревенски разухабисто, а красиво и как-то нежно, так, что за душу хватало.

Пыхтела и постреливала машина, на которую грузилась новая боевая единица охраны правопорядка: недавно образованный комсомольский патруль бригадила.

Капитан Сорокин, который по состоянию здоровья решил больше доверять другим, неоднократно поднимал вопрос о том, что пора бы и общественности подключаться к делу охраны порядка. Коль скоро на фабрику приходится основная доля бузотеров, то логично именно на ее базе образовать и дружину, бригаду добровольных помощников милиции.

Претензии капитана имели под собой основания. По мере расширения производства рабочих рук все больше не хватало, приходилось расширять и набор из ближайших областей. Люд приезжал разный, в основном удалось сорвать с насиженных мест неотесанную молодежь. С одной стороны, работала

она на совесть, иной раз и по три смены. С другой — находила и время, и силы устраивать попойки, драки, а не то и похлеще безобразия.

— Бригада охраны правопорядка нужна, — втолковывал Сорокин на собрании актива, — во-первых, чтобы возникла наконец личная ответственность за порядок и безопасность, во-вторых, чтобы появилась еще одна форма досуга, полезного и увлекательного.

Второй довод капитана вызвал нездоровый хохот — посмеялись и вроде бы забыли. Однако Сорокин непрост и настойчив. Он вновь и вновь возвращался к этому вопросу, пользуясь различными случаями, с флангов и в лоб. И наконец накрепко внедрил в умы осознание того, что без дружины просто никак, причем так ловко, что сейчас мало кто понимал, что мысль эта привита извне.

— Бригада необходима вам самим, люду фабричному. Только вам — и никому более.

И хитроумный капитан уже с недоверием вопрошал:

— Неужто позволите кому-то свои порядки наводить, и это же на вашем родном предприятии?

Фабричные как по-писаному предсказуемо вознегодовали в ответ:

— Как же!

— Еще чего!

— Ишь что удумали!

И прочее.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

Иезуит Сорокин продолжал, уверенно поддерживая народ:

— Пролетариат должен быть не только хозяином средств производства, кузнецом своей судьбы. Трудящийся имеет право на безопасную жизнь! И потому предлагаю донести это до руководства. Конечно, наверняка будет иметь место противодействие...

Снова последовало ожидаемое негодование: ишь что начальство удумало, здоровые инициативы душить, надо будет — и выше пойдем, и в том же духе. Да так хорошо, дружно возгорелось из искры пламя, что осталось только мысленно встать на колени перед ни в чем не повинной Верой Вячеславовной.

Главное — это результат стараний Сорокина. А именно: создан летучий отряд охраны порядка, который собирается на патрулирование. Да еще и на автомобиле, который выделила отзывчивая директор фабрики, уступая настоянию актива.

Свою миссию застрельщика и гегемона Сорокин как-то деликатно и незаметно переложил на кадровика Марка Лебедева. Это была самая подходящая кандидатура: студент-заочник, будущий юрист, мечтающий о карьере в угрозыске, нетерпеливый, горящий энтузиазмом, до всего ему было дело, ведь скучно возиться с листками учета, анкетами, личными делами. Комсомолец Лебедев неутолимо жаждал подвига.

— Простаивает же машина, Вера Вячеславовна! — убеждал новый предводитель бригады. —

Хулиганье, спекулянты, пьянчуги распоясались, а мы не поспеваем, ногами мостовые утюжим, а нужна быстрота, нужен натиск! Прямо-таки необходима махновская летучесть...

Вера Вячеславовна предостерегла:

— Не увлекайся чуждыми веяниями, Марк. Но машину выделю, не плачь.

Лебедев не только не обиделся, он не обратил на шутку никакого внимания. Он видел главное, перед его глазами вспыхивали новые сияющие перспективы:

— И будет это летучий патруль! Будем летать по самым глухим уголкам района!

Машину подштукатурили, зачистили ржавчину, украсили по борту лентой бракованного полотна, на котором вывели «Комсомольский патруль». Пошили из брака же огненные кумачовые повязки, написали «Дружинник» — и теперь в полной боеготовности загрузили машину до осевших рессор.

Патрульный «катер» уходит в рейс, а Анчутка тоскует, провожая его завистливым взглядом:

— Даже эти куда-то едут!

Немедленно, как по заказу, со стороны железки издевательски загудел пассажирский состав. И в нем какие-то бездельники ехали, уносились в мягких недрах вагонов за каким-то лешим в некие неведомые, но непременно радужные и солнечные дали. Там не то, что тут — так свято верил Анчутка.

Более трезвомыслящий Пельмень умел извлекать уроки из пройденного, потому по прежней

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

жизни не грустил, во сне ее не видел. Его в настоящее время устраивало все: и работа, и общага, и зарплата, и столовая.

Не устраивал и беспокоил Яшка. Андрей понимал: если прямо сейчас не образумить этого цыгана линиялого, которого обуяла тоска по дальним странствиям, то последствия могут быть самыми плачевными. Причем в том числе для Пельменя, ибо когда Яшка вляпывается в историю, достается и Андрюхе — так сложилось исторически.

Поэтому Пельмень вновь, вздыхая, попытался воззвать к остаткам разума друга:

— Это сейчас весна, тепло. Ненадолго ведь. Лето просвистит, и снова настанет холод. Снова, помяни мое слово, застудишься и перхоть станешь.

— Не стану! — упрявился Анчутка.

— Снова жрать будет нечего, а ночевать — негде.

— И пусть!

Тогда Андрюха зашел с козырей:

— К тому же по бумагам нам по восемнадцать.

Так что...

— Что?

— Посадят, и всего делов.

Анчутка запнулся, но все-таки нашелся и угрюмо спросил:

— Сейчас мы будто не в тюрьге? Как бараны на стрижку идем, все по сигналу, по ранжиру, по свистку.

— Тебе-то грех жаловаться, — не удержавшись, поддел Пельмень, — вся работа твоя — секунды за-

секать и с других спрашивать. Другие вкальвают — ты контролируешь, потому-то и есть время у тебя сопель по ветру пускать.

Яшка немедленно вспылил:

— Не твоего ума дело! Поставили меня люди знающие, понимающие и именно туда, где я больше пользы приношу! А ты, ветошь масляная, молчи в тряпочку.

— Молчу, молчу, — успокоил друга Пельмень, — не кипятись, а то крышечка слетит. Толком говори, что задумал.

Яшка, помолчав, признал, что и сам не особо понимает, чего хочет:

— Вроде бы хорошо все, а вот тянет выкинуть коленце. Вот так идти, идти и раз — мимо своей двери. Надоело, все одно и то же. Скучно! Тоска зеленая!

Андрюха начал терять терпение.

— Эва, куда хватанул. Что за слова такие? Скучно — залезь в ухо к пианисту. А лучше иди проверись, глядишь, и отпустит.

— А ты... пойдешь? — вскинулся Яшка и с надеждой посмотрел на Андрея, но тот решительно заявил:

— Я не учетчик, я устал и спать хочу.

— Вот и сиди, как гриб старый. А я не могу, мне здесь все... гнильем тянет! — с этими словами Яшка нахлобучил малокопейку — новехонькую, купленную с премии — и подался вон.

— Во дурак-то, — Андрюха махнул рукой, завалился на койку и попытался заснуть. Однако по-

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

сколько гад Яшка спугнул первый сон, теперь уснуть стало еще сложнее.

К тому же вновь вспомнились события сегодняшнего рабочего дня, заворочались мысли о том, как, где и что можно было бы подкрутить-подточить, если бы не мастер с его «ударник, чеши отдыхать». К тому же теперь возникло беспокойство за друга: «Что-то задумал? Что за муха укусила? Как бы не влип куда, бестолковый... ладно, если только по сопатке получит, а если что похуже?»

К тому же Яшка, мерзавец, снова начал прикладываться к винишку. Как на грех, в полуподвале неподалеку разливали молдавское, отпускал человек посторонний, не из района, поэтому сомнений в возрасте постоянного клиента не имел, вопросов не задавал — и вот редкий вечер уже без стаканчика обходится.

«А как хлебнет — вечно недоволен. С ним всегда так: не успеешь вздохнуть — и на тебе, обязательно коленце выкинет. С жиру бесится, точно, — философствовал Андрюха, закинув руки за голову и с удовольствием ощущая, что вот-вот провалится в долгожданный сон. — Крыша над головой, документы, работа интересная, не на износ, и даже морду никто не бьет...»

Все-таки удалось заснуть, и замелькали перед глазами какие-то веселые картинки, только теперь пробились-таки сквозь впечатления настоящего обрывки прошлого. Замелькали фонари, застучали

колеса поездов, унося в дальние дали, и даже потряхивало, как наяву.

Наяву его и потряхивало. Кто-то тормозил, сотрясая койку. Андрюха подскочил, как боб на скоророде.

— Что за... Оп-па, Светка, ты чего?

Светка Приходько, опухшая, как покусанная осами, с заплывшими, зареванными глазами и растрепанной косой, шикнула:

— Не шуми! Комендант рыщет по коридору.

— Ты как же сюда пробралась?

— По пожарной лестнице!

— В платье?

— Не важно! — отмахнулась она, теребя косу. — Какая разница? Скажи Яшке, чтобы он у дома нашего не появлялся.

— С чего такая немилость? — пошутил было Пельмень, но сразу прикусил язык.

Что-то не узнать обычно радостного друга Светку. Ну ровно царевна-лягушка, зеленая, глаза выпученные и на мокром месте. Андрюха вдруг похолодел, вообразив самое пакостное, что могло произойти, сел, стукнул кулаками ни в чем не повинный матрас:

— Он что, тебя обидел?

Светка испуганно поежилась, залепетала:

— Нет, нет, Андрюша, что ты! С чего ты взял?

Просто... ну пусть лучше не приходит.

Так, вот и эта, ничего толком не объяснив, собралась на выход.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

Славные они ребята, что один, что вторая: растормошат — и вон с глаз. Правда, Светка не сдюжила, у самого окна прорвало-таки. Высоким, вздорным голосом и при этом тихо-тихо заверещала:

— Пусть вообще больше не приходит, слышишь?! Так и скажи ему, этой... — и выдала такое, от чего Андрей глаза выкатил:

— Да ты чего ж лаешься, мелочь пузатая? Совсем нух потеряла? А ну иди сюда!

Но она, ховертка такая, выпорхнула в окно, махнув косой, как уклейка хвостом.

Пельмень, вздохнув, подумал: «Вот оно что... — Снова улегся, примял кулаком подушку. — Вот и разгадка плохого настроения. Расплевались. Так оно и понятно, нечего им, что у них общего? Она пусть и безотцовщина, а девчонка порядочная, с понятиями. Этот же все, порченный, кошак помойный. А все женский пол».

После кузнецовского дела, с тех пор как ребята окончательно осели в общежитии, от девок прохода не стало — не все, конечно, заигрывали и заглядывались, но многие. Андрюху, к женскому полу устойчивого, прямого и грубоватого, откровенно побаивались, Яшка же, с его льняными кудрями и синими очами, разговорчивый и ласковый, пользовался немалым успехом и по-свински этим злоупотреблял.

С одной стороны, было неплохо, Пельменю перепали за компанию халявные постирушки, раз-

носолы да пироги, с другой же — частенько приходилось отмахиваться кулаками от обиженных кавалеров, жаждущих возмездия.

«Ничего. Похмельем с утраца помается — и отпустит. Тоже мне, гусак перелетный...» — Мысли в Андрюхиной голове ворочались все медленнее, ленивее и наконец замерли совершенно.

...до тех пор, пока не грохнула о стену хлипкая дверь, не загремели по половицам стоптанные ботинки, чистый воздух как-то очень быстро закончился. В помещение проник Санька Приходько, потный, ярко-красный и дымящийся, как после скачки. Странно, но вопреки своему обычаю он не орал, не матерился, хотя было заметно, что его так и распирает. Он хранил полное молчание и от того был еще более раскаленный и страшный. Спросил отрывисто:

— Где Яшка?!

Андрюха взбеленился:

— Где-где, в ... под кроватью! Рехнулись все?! Что за буза на ночь глядя? Я спать хочу.

— Спи, спи, — повторил Санька, на всякий случай заглядывая под койку, — я тебе не мешаю. Так вот, если встретишь дружка своего...

— Что значит «если»?

— А то, что, коли я его первым найду, никто его более не встретит, — пояснил Приходько. — В общем, ежели фартанет ему и ты его первым увидишь, то передай, будь другом, чтобы на глаза не попалал-

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

ся. Вообще, — он повысил голос, — чтобы ни за что, никогда носу не казал на наш двор. Яволь?

— Допустим. А если он, к примеру, спросит: почему?

— Он знает почему.

Пельмень пообещал передать все в точности и деликатно уточнил, все ли у Саньки и не пора ли убраться из чужой хаты, куда вломился без приглашения.

— У меня-то? — Санька почесал подбородок, подумал. — Да, пожалуй, к тебе все. Доброй ночи.

Свалил наконец. Пельмень закрыл натруженные глаза и отключил утомленный мозг. Утро вечера мудренее, скорее всего, завтра же все и прояснится.

2

День занимался ясный, теплый. Луч солнца скользнул в Яшкин нос, он чихнул — и чуть не взвыл от боли. Голова гудела набатным колоколом, глазам было шершаво шевелиться в глазницах, во рту точно кошки погуляли. Сколько ж всего было намешано? Молодое молдавское, кислое пиво, дрянь эта вкусная, тягучая, заразы такие, сами в глотку полились. Он бы, Яшка, ни в жисть...

«Ай как тошно-то, больно! Как меня угораздило-то... который день нынче?»

Он не без труда принялся припоминать: так, сначала, разобидевшись, свалил из общаги. Когда это

было — вчера, позавчера? А может (Яшка сглотнул), вообще месяц назад?!

Так, из общаги свалил, ссыпался с лестницы, потоптался в нерешительности. Направил было штилеты в сторону дома Светки, но вовремя спохватился: поздно, да и после того, что случилось вчера... не стóит. Поворотил оглобли.

Он припомнил расписание электричек: вполне возможно, поднажав, успеть на поезд в центр — только ведь почему-то теперь и тащиться в город никакой охоты не было...

Да, вот такой он, Анчутка, загадочный, только-только собирался бросать все и валить хоть на край света — а ветер поменялся, теперь неохота и до платформы идти.

Но как представил себе, что сейчас идти обратно в общагу, к сонному Пельменю, который весь такой стал правильный, ложится вовремя спать и ничегошеньки не понимает в жизни... аж тошнит. И это до слез обидно: друг ведь! Казалось, столько вместе пережито, перепробовано — и тут как отрезало, ни слова не понимает! Или делает вид, что не понимает. Издевается. Считает себя выше него, Яшки. Иначе с чего бы он бормотал: «С жиру бесишься».

Вот, стало быть, как.

«Дулю, не пойду. А то приоткроет глаз, ворчать начнет: что, приперся, кошак помойный? Туши свет... Нет, не пойду никуда», — решил он и, поспешив, заскочил на электричку, и доехал до Трех вок-

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

залов, и, уже совершенно развеселившись, добрался до знакомого потаенного шалмана в переулках Домниковки.

С десяток стертых ступеней вниз, секретный кодовый стук в разошедшуюся дверь — и вот они, отверзлись врата рая. Тут густо накурено, с потолка свисают бороды жирной паутины, норовят попасть под ноги бутылки, жарят селедку, а на лавку надо садиться, подстелив газетку, не то прилипнешь, — зато угарно и весело, как и желалось. За одним из столов как раз резались в картишки, Яшку тут хорошо знали и дали место. С первого же кона стало ясно, что работает старая примета: в любви не везет — так масть попрет. Вышло по народной мудрости, и выбанковал Анчутка, даже особо не передергивая, кругленькую сумму, пожирнее месячной зарплаты. Этот факт лишний раз подтвердил его давешние сомнения: напрасно они с Пельменем отвергли прекрасный бескрайний мир, где все можно получить по щелчку пальцев, и нет никакой нужды впахивать саврасом. Кому нужны эта конура в общаге, жидкие щи, пахота от звонка до звонка? Бегали от этого столько лет, ничего страшнее для них не было — а теперь сами запихали головы в ошейники.

Что он хорошего видит от этой честной жизни? Разве что Светка...

Ощущая, как от местной «малинки» уже глаза в кучу собираются, усилием воли развел их, злобно выругался, сплюнул. Как же угораздило его?

Неужели врезался?! И в кого! Вообще неясно, как, в какой роковой день она превратилась в такую-то... в красавицу!

Вроде бы это была та же самая Светка Приходько, закадыка, пацан в юбке и свой парень. Но она как-то неуловимо, незаметно и сказочно изменилась: скулы на мордочке заострились, приподнялись; круглые, глупые, как у щенка, глаза обернулись в бездонные озера, появилось в них эдакое выражение с мыслью и тайной. Эти зыркалки огромные вкатились в Яшкино сердце, точно на колесиках. И пусть до центровых развеселых шмар ей далеко, краснеет от малейшей сальности — зато голова от нее не болит, не болтает попусту, такая тихая, загадочная. И главное, слушает молча, что бы ни городил.

Само собой, Анчутка не дерьмо какое — детей обижать. Он по-прежнему воспринимал ее как малявку, несмышленища. Ни разу ни словом, ни жестом не посягнул — это он-то, который женский пол уважал не больше, чем лошадь сено. Светку же водил в кино, на катки, кормил мороженым, дарил конфеты — даже ни цветочка ни разу не преподнес. Цветы — это не то, это опасно, а конфеты-то можно.

Зря он тогда молдавского перед кино навернул, и слова стыдные не он говорил, а вино. Правда, не вино руки распускало. Обидел, перепугал, все испортил...

Анчуткины нравственные терзания прервал соперник:

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

— Мы уже играем или еще нет?

Яшка глянул на него мрачно: «Ишь ты, веник новогодний. Откуда выполз такой, небось с мамкиных хуторов, где сплошные беленки¹, плетни да глечики². Глянь-кось, ручонками своими сучит-выпендривается, изображая тасовку. У-у-у-у, грабли. С такими фокусами сразу за Урал. Не позорься, все ж насквозь видно. Ну-ну, заканчивай свои веера, ты мне только колоду отдай, тут же и срежу все твое художество. Ростовский, что ль? Балачка³ южная, хоть и подделывается под столицу, акает».

Наверное, ровесник Яшкин, а то и младше, но сильнее, вон плечища какие, хотя с Пельменем вряд ли сладит. Смуглый, черноглазый — но растительность густейшая, вьющаяся, шапкой стоявшая на голове, совсем седая, точно парик натянул. Смазливый до крайности, что твой киноактер. Преподанные черные усишки над толстогубым негритянским ртом, ресницы, как у коровы. А уж расфуфырен: брючки, пиджачок и уродливая рубаха с расшитым воротом и шнурком. Недавно отходил до ветру, каблуки так и цокали подковками — приходится штиблеты беречь, а то по московским мостовым каблуки сотрутся в момент и в нуль.

¹ Беленка — смесь из извести и песка или глины, которая наносится на поверхность стен сельского дома. Беленая хата — дом, украшенный белой известняковой штукатуркой.

² Глечик (разр.) — горшок (обычно глиняный); кринка.

³ Степные диалекты казаков Дона и Кубани.

«Старье небось, лицованное-перелицованное, а как выглажено — до хруста, — не без зависти подумал Анчутка. — Как это у них: сдохни, но держи фасон?»

Этого Яшка обобрал с особым удовольствием. Против ожиданий, парень не обиделся, а лишь играл желваками, подбородок выставил вперед и уже чуть ли не приказал:

— Играем.

Отобрал колоду, принялся вновь тасовать. И вроде бы спокойно, но оглядывал ее с трогательным возмущением: как смеет она, негодная, подыгрывать кому-то другому? «Шулер хуторской», — подумал Яшка не без превосходства и, ухмыльнувшись, поддел:

— С тебя не будет?

Пижон неторопливо вынул — батюшки! портсигар! — но извлек из него простую самокрутку, зажал в зубах, шикарно перекинул из одного угла рта в другой. Разомлевшая девка, ластившаяся к нему, чиркнула спичкой, он прикурил.

— Молодой человек хезнул?

Кровь было ударила в голову, но опытный Яшка, безошибочно оценив обстановку, сообразил, что исходники для мордобоя не в его пользу. Да и не любил он драться без Пельменя. Потому, подумав: «Болтай, что хочешь, а денежки-то я приберу», вслух учтиво сказал:

— Молодому человеку абы как, лишь бы с лавэ.

И сгреб деньги со стола в карман. Сгоняв в уборную, умылся, припрятал выигрыш в тайное место.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

Вернувшись в зал, потребовал еще выпивки, но только пива — хватит крепкого, завтра ж вроде на работу... или уже сегодня?

«А, плевать!»

Яшка уже лакал из кружки пиво, кислое, зато пенное и холодное, и уже снова начал было горевать — тут снова подсел обыгранный фронт, да не один. С ним теперь были две рюмки какой-то темной штуки, пахнувшейпряно и густо, а еще щербатое блюдо, на котором лежала пара ломтиков лимона.

— Плюньте эту гадость, молодой человек, — приказал он запросто, — угощаю.

Вялый Анчутка, думая совершенно об ином, послушно выпил предложенный напиток — и немедленно ожил. Раскаленная лава пролилась вниз по горлу, в голодный желудок, но кровь прилила обратно к мозгам, и глаза раскрылись.

— Лимончиком закусите.

— Благодарствуйте.

Уже по-новому, с куда бóльшим уважением смотрел Яшка на нового знакомого. И чего он на него окрысился, правильный пацанчик. Ну глупая одежда, умная морда и говор сильно южный — бывает. Так пытается же изъясняться по-нормальному, как все, но бывалое ухо все равно чувствует.

Новый знакомый, чуть заметно подморгнув, подался вперед и принялся излагать тихо, так, чтобы лишь Анчутке было слышно:

— Вижу, что вы человек хорошо грамотный, и по цырилкам видно, что умеете вы не только в буру. Потому имею кое-что предложить.

— Чего ж мне, молодой человек? — без труда подделяваясь под манеру собеседника, спросил Яшка.

— Я, понимаете ли вы меня, я тут свежий, знакомств не имею.

— Чего ж принесло, если не к кому? — поинтересовался Анчутка, ощущая отходняк и головную боль.

— По-первому, хочу денег, как и все. К тому же есть надежда дяденьку найти.

— Москва велика, народу много.

— Так потому я з́араз до вас, — пояснил парень, — поскольку прямо сейчас нужен надежный человек.

— Всем нужен. Что за дело?

Пижон, зыркнув по сторонам — никто внимания на них не обращал, — еще больше подался вперед:

— На бульваре неподалеку скупка, одна гадюка торгует. Руль¹, помимо официоза скупает краденое, заявлять в случае шухера не станет. Тряпье, меха, прочий халоймыс² — мягкое, нетяжелое, и слить можно на раз.

— Стоп, — прервал Анчутка, хотя и не без сожаления, поскольку и само предложение, и парень ему нравились. — За наколку — гран мерси, только

¹ Жарг. — заведующий, начальник вообще.

² Здесь — товар.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

с незнакомым на дело не пойду. Уж извини, неизвестный шкет.

Тот ничуть не огорчился, улыбнулся, блеснув фиксой:

— Ничего, наше счастье впереди, мы таки сделаем дело, — и, запанибрата потрепав Анчутку по плечу, отсел.

«Ага, держи карман», — подумал Яшка, докушивая «амброзию» из рюмки.

Вот это напиток, никогда такого и не нюхивал. Кайфовал в одиночестве недолго, подвалила к новому фартовому маруха, у которой вывеска, умело подмалеванная, была красивее, чем у прочих, промурлыкала, оттопыривая пухлые намазанные губы:

— Что же, кукленок, ты такой гру-у-устный? Чем угостишь?

«Щаз, делиться не стану», — решил Анчутка и стяхнул ее с колен:

— Водой из-под крана. Отвали.

Маруха, фыркнув, уползла и наверняка кому-то нажаловалась.

Поэтому, решив сходить до ветру, тут же, в подворотне, Яшка был взят в клешни пятеркой незнакомых помойных котов. Совершенно ясно, эта же кошка и настропалила.

Анчутка заметался, как крыса, загнанная в угол. В былое время он все подворотни у Трех вокзалов знал лучше собственной физиономии. Однако теперь, со всеми стройками-восстановлениями, все

перепутали, в том числе и знакомые сараи (или пить все-таки надо было меньше?).

Зажатый в каком-то грязном дворе, Анчутка с тоской, пока еще обоими глазами, глянул в лиловое небо, которое недосыгаемо маячило над головой. Да, с кой-какими зубами придется проститься, ведь ни прохода, ни двери, ни пожарной лестницы.

Но не в эту ночь суждено ему было расстаться с кусалками. Помощь пришла неожиданно.

— Ша. Зачем так кипятиться, господа? Все ж не писюки, освобождайтесь от своей манеры обижать младшеньких.

Давешний седой пижон стоял, держа руки в карманах невообразимого лапсердака. По складкам этого уродливого пиджака угадывалось, что там у него не только пальцы, но и явно нечто с дулом, стреляющее.

Догадка эта пришла в головы и котам: они мигом вздернули руки горе, приговаривая различные успокаивающие слова с тем, чтобы товарищ не нервничал. Не поворачиваясь к ним спиной, неожиданный спаситель кивнул Яшке:

— Валяйте, незнакомый шкет, — и подставил коленку.

Умный Анчутка тотчас влез, испоганив грязными башмаками чужие отглаженные брючки, оттолкнулся, подтянулся, взобрался на крышу. Укрепившись, лег на живот и потянул руки:

— Сигайте сюда!

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

К спасителю подбирались теперь уже семеро смелых, а он лишь отмахнулся:

— Держитесь за трубы, амбал, как бы ветрой не сдуло! — И пообещал: — Свидимся.

Яшка, отбросив сомнения, помчался, грохоча жестью, с одной крыши на другую, скатился вниз по пожарной лестнице. Долго еще зайцем петлял по подворотням, по проходным дворам, скорее от кипящего восторга, нежели сбивая со следа — некого было.

О том, что там в итоге с парнем, впрягшимся за него, незнакомого, он не думал. Зато от бодрых упражнений хмель вышел, и интереса к тому, идет ли домой какая электричка, не было никакого.

«Стало быть, не судьба на работу».

Яшка забрался в расселенный дом на бульваре, расстелил пиджак прямо на лунном прямоугольнике посреди чьей-то бывшей гостиной и с радостью растянулся кверху носом. Внутри каждая жилка звенела: «Весело-то как! Славно!»

3

Город спал. Сквозь прорехи в крыше подмигивало звездами чернильное московское небо, было слышно, как шуршат шинами запоздалые машины и цокают копытами лошади: пободрее и четче — извозчиков, пошаркивая — золотарей. Голову постепенно отпускало, Анчутка задремал.

Однако довольно скоро выяснилось, что бивачные навыки он утратил. И немудрено: сперва сытые

ночевки в теплых казармах на Максим Максимычевых хлебах, потом койка в общежитии — сытая жизнь расслабляет. К тому же все еще прохладно: подложишь пиджак под голову — копыта коченеют, натянешь на ноги — голова стынет так, что хоть вопи. Он несколько раз просыпался и засыпал, а потом его и вовсе разбудили милицейские свистки.

Насторожившись, Анчутка выглянул из окна, но ничего особенного не увидел: мелькали вереницей тени среди деревьев бульвара, протопали сапоги, все и стихло.

— Нейдется же полуночникам, — пожаловался пустоте Анчутка, укладываясь обратно. Хорошо бы еще часик прикорнуть, а то уж светает. Там можно на первую электричку успеть.

Однако как только он снова задремал, услышал шаги — кому-то приспичило влезть в его обиталище. Яшка, перекатившись на живот, ужом отполз прочь с лунного освещенного прямоугольника, спрятался в смежную комнату за угол.

Снизу поднимались, как определил Анчутка чутким ухом, двое, люди молодые, судя по тому, как бодро цокали по ступеням башмаки.

«И этот грохочет, как кованый ишак. Или на подковы мода новая в Москве?»

В недавнюю спальню Яшки вошли двое, вывалили на пол что-то мягкое. Анчутку тянуло вылезти посмотреть, но луна как раз светила в его сторону,